

Научная статья

УДК 397 + 81 (571.54)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-155-167

История имянаречения у баунтовских эвенков

Ольга Владимировна Бураева¹
Елизавета Фёдоровна Афанасьева²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

² Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

¹ olgaburaeva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6079-0601>

² elizaveta_fedor@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9147-0283>

Аннотация

У каждого народа столетиями складывался свой антропонимикон – реестр личных имен, который в каждый отрезок исторического периода имел свои особенности. Мы рассмотрели этот процесс на примере личных имен баунтовских эвенков – локальной группы коренного малочисленного народа Республики Бурятия, проживающего в настоящее время в Баунтовском эвенкийском районе. Имя играло особую роль в жизни эвенка, воспринималось как нечто живое. Имя было индивидуальным, редко повторялось. Выявлены исконно эвенкийские имена XVII–XIX вв., которые не известны современным эвенкам. Установлено, что наиболее распространенными мужскими именами у баунтовских эвенков являлись имена, образованные при помощи суффикса *-вуль*. Следующими по частоте употребления являлись имена, оканчивающиеся на *-ча*, *-най*, *-ней*, *-ни*, *-ту* / *-лту*, *-кта* / *-кто*, *-но*, *-ня*, *-чан*, *-ко*. Женские имена в большинстве своем были образованы при помощи суффикса *-к*. Нами зафиксированы русские и бурятские имена, появившиеся в антропонимиконе эвенков в результате установления культурных связей между народами, определена частота их употребления. Выяснено, что с конца XIX в. эвенки используют в основном трехчленные имена, которые включают имя, отчество, фамилию.

Ключевые слова

антропонимия, донесения казаков, ревизские сказки, посемейные списки, книги похозяйственного учета, баунтовские эвенки, род Чильчагир, род Киндигир, Бурятия

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект № 121031000243-5 «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)»

Для цитирования

Бураева О. В., Афанасьева Е. Ф. История имянаречения у баунтовских эвенков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 155–167. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-155-167

© Бураева О. В., Афанасьева Е. Ф., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 155–167
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 155–167

The History of Naming among the Baunts Evenks

Olga V. Buraeva¹, Elizaveta F. Afanasyeva²

¹ The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

² The Buryat State University of Dorji Banzarov
Ulan-Ude, Russian Federation

¹ olgaburaeva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6079-0601>

² elizaveta_fedor@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9147-0283>

Abstract

Purpose. The purpose of this article is to explore the naming system of Baunt Evenks – local group of Evenks in Buryatia. For centuries, each nation has developed its own anthroponymicon – a register of personal names, which had its own characteristics in each historical period.

Results. We examined this process using the example of the personal names of the Baunt Evenks – a local group of the indigenous people of the Republic of Buryatia, currently living in the Bauntovsky Evenk district. Name played a very important role in an Evenk's life. It was individual, rarely repeated and perceived as something alive. In the process of research, the original Evenk names of the 17th – 21st centuries, unknown to modern Evenks, have been revealed. It was established that the most common male names among the Baunt Evenks were formed with the suffix *-wul*. The next in the frequency of use were names ending in *-cha, -nay, -nei, -ni, -tu / -ltu, -kta / -to, -no, -nya, -chan, -ko*. Most female names were formed with the suffix *-k*. We have recorded Russian and Buryat names that appeared in the Evenks anthroponymicon as a result of the establishment of cultural relations between peoples. The frequency of their use has been also determined. It has been found that since the end of the 19th century, the Evenks have mainly been using three-word names: first name, patronymic, surname.

Conclusion. In the naming system of the Evenks, there were a number of conventions and prohibitions. Firstly, a person could not exist without a name. Secondly, the Evenks treated personal names as something intimate. Thirdly, the naming process was not instantaneous. Fourth, the name of the Evenks was a new word. And fifth, the formation of personal names among the Evenks was subject to certain linguistic norms.

Keywords

anthroponymy, reports of the Cossacks, revision tales, family lists, books of household records, Baunt Evenks, Chilchagir clan, Kindigir clan, Buryatia

Acknowledgments

The research was conducted within the state assignment, project no. 121031000243-5 “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th – 21st Centuries)”

For citation

Buraeva O. V., Afanasyeva E. F. The History of Naming among the Baunt Evenks. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 155–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-155-167

Введение

Антропонимия любого народа – это ценный источник по его истории, культуре и языка. В 1960-е гг. в нашей стране возрос интерес к этнической ономастике, к проблемам, связанным с этнографическим аспектом изучения имен собственных. Вероятно, этим и было вызвано создание в 1967 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР группы ономастики. В апреле 1968 г. в Москве прошло I Всесоюзное антропонимическое совещание, организованное Институтом этнографии АН СССР, Институтом языкознания АН СССР и Отделом юридической комиссии при Совете министров РСФСР. Материалы этого совещания были опубликованы в 1970 г. в сборниках статей «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем» [1970] и «Антропонимика» [1970]. Увидели свет сборники «Этнонимы» [1970], «Этнография имен» [1971]. Теоретическим вопросам антропонимии были посвящены статьи И. В. Бестужева-Лады [1970], В. А. Никонова [1970а; 1970б], А. В. Суперанской [1970], В. Д. Бондалетова [1970], Н. А. Бельк [1970], А. П. Евдошенко [1970]. В дальнейшем были опубликованы монографии А. В. Суперанской [1973], В. А. Никонова [1974], учебники С. И. Зинина [1972], В. Д. Бондалетова [1983], сборники статей «Онома-

стика Востока» [1980], «Этническая ономастика» [1984]. Огромный интерес вызывала антропонимия народов Восточной, Южной и Центральной Азии, Африки, многих народов Советского Союза: кетов, тунгусов, якутов, чукчей, киргизов, таджиков, узбеков, казахов, чувашей, башкир, бурят, осетин, русских и др. Антропонимией эвенков впервые занялись Г. М. Василевич [1969; 1970; 1974], П. Я. Скорик [1970], затем В. А. Туголуков [1970; 2013], М. М. Хасанова [1983]. В современной России интерес к антропонимии эвенков возрождается. Это и статьи Г. И. Варламовой [2010], Д. Г. Вачелановой [2014; 2017], Л. Н. Омельченко и Д. Г. Вачелановой [2015], и Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области [2010].

Как видно из этого обзора, антропонимия эвенков России, тем более их локальных групп, редко являлась предметом специального исследования. А антропонимия баунтовских эвенков вообще не изучена. Научная новизна данного исследования заключена во введении в научный оборот новых архивных материалов, ранее не публиковавшихся. Цель данной статьи состоит в выявлении особенностей имянаречения у баунтовских эвенков – локальной группы эвенков Бурятии.

Источники

До революции 1917 г. баунтовские эвенки были приписаны к Баунтовской инородной управе. В качестве источников информации о личных именах эвенков Баунтовской инородной управы мы использовали ревизские сказки и посемейные списки из Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ, ф. 9). Их антропонимический материал просто бесценен. Всего ревизских сказок с 1718 по 1858 г. в Российской империи было десять. В нашем распоряжении имеется 10-я ревизская сказка за 1858 г. Она содержит информацию о мужском и женском населении Баунтовской инородной управы с указанием имени, отчества, фамилии, возраста, родственных отношений (отношение к главе семьи).

В архиве имеются посемейные списки за 1892, 1896, 1903, 1908 гг. Посемейные (семейные) списки были введены в 1858 г. Первоначально списки, имевшие десять граф, расчерчивались и заполнялись от руки, в 1908 г. мы имеем бланки, отпечатанные типографским способом. В 1-й графе ставился порядковый номер юрты (семейства), во 2-й – номер, под которым семья упоминалась в предшествующей ревизии, в 3–8 графах фиксировались сведения о мужчинах: имя, отчество, фамилия, прозвище главы семьи, его детей, внуков, братьев, всех, кто проживал совместно, в 9–11 графах давалась информация о женщинах. В 7-й и 11-й графах делалась отметка о прибыти и убыти лиц мужского и женского пола после составления списка. В 8-й графе отмечали поступивших на действительную службу со времени составления списка и в течение предшествовавших шести лет с указанием года призыва.

Рождение ребенка

Из полевых материалов 1962–1963 гг. С. А. Шубина нам известно, что у баунтовских эвенков рождение ребенка было радостным событием в жизни семьи. «Особенно семья, включая сородичей вообще, была рада, когда рождался мальчик. В нем видели будущего кормильца и продолжателя рода, сразу же после рождения первого ребенка глава семьи – отец – выделял для него оленя: если рождался мальчик – *гилгу* (самца), девочка – *нями* (матку)» [Шубин, 2007, с. 94].

В честь такого события устраивалось пиршество. Лучшие куски мяса подавались матери. Все родственники и гости должны были оказать посильную помощь шкурами, одеждой или продуктами, если семья нуждалась в них. Если же семья жила в достатке, то вручались подарки. Ребенок, завернутый в тщательно выделанную теплую кабарожью шкуру, переходил с рук на руки, затем укладывался в люльку. Здесь же давалось ему имя. Имя должно было в какой-то степени соответствовать характеру или темпераменту ребенка (родные и гости старались по малейшим признакам поведения новорожденного определить это), или же имя давалось пожилыми людьми, значение имени сводилось к пожеланию «быть молодцом»,

«быть гостеприимным», «быть хорошим стрелком», «иметь всегда друзей» – Бэркэн, Малук, Бэркэвуль, Гиркивуль и т. д. [Шубин, 2007, с. 94].

При имянаречении новорожденного его отец и мать обычно старались не вмешиваться, предоставляя эту возможность родственникам и гостям. Большой честью считалось для семьи, если единогласно соглашались с именем, данным пожилым, уважаемым человеком.

Все присутствующие на этой трапезе желали ребенку здоровья, быстрого роста, незнания болезни и т. д., выполнялся определенный обряд очищения. «Имя дается того, кто прежде всех придет в юрту новорожденного, потому мальчики часто носят женские имена и наоборот. При этом соблюдается обряд: первому пришедшему, т. е. тому, чье имя должен принять родившийся, – писал А. Мордвинов, – бросают под ноги горящую головню, чрез которую он обязан перешагнуть. Этим новорожденный освобождается от всех будущих зол и напастей. ...при случае могли воспользоваться следующими ороченскими именами: Кенкар, Шинтанча, Жугнувуль, Белкувуль, Букача, Ванчувуль, Балин, Даймупга, Акивул, Муличин и т. п.» [Мордвинов, 1851, с. 131].

В некоторых случаях, когда в семье, где родился ребенок, были раньше случаи смерти малолетних или близких родственников, торжество и наречение имени проходило тихо. Говорили гости вполголоса об оленях и на другие отвлеченные темы, чтобы обмануть злого духа. В этом случае никто не трогал ребенка и не должен был его видеть, с приходом матери ребенка сразу же укладывали в люльку. Новорожденный получал два имени. Иногда мальчику давалось второе имя девочки или русское. Первое настоящее имя не упоминалось, его знали только родители и ближайшие родственники. «Злой дух, – говорили эвенки, – будет стараться умертвить ребенка или насладиться ему болезнью, но он ошибется, так как имя-то у ребенка другое» [Шубин, 2007, с. 94–95].

У эвенков, кроме двух имен (одно имя рассчитано на обман злого духа), использовалось еще одно средство. Детям давались имена-клички, которые впоследствии прочно закреплялись за ними (например, ягненок, бычок, грязнуля), названия национальности (русская, бурят, орочен); семьи, в которых умирали все родившиеся дети, обычно брали себе на воспитание чужого ребенка, считая, что в таких случаях обязательно будут выживать вновь родившиеся. Или же бездетной матери приносили соседи своих малолетних детей, чтобы поводить с ними некоторое время, затем их уносили обратно, по решению шамана иногда изготавливали большую куклу и инсценировали роды. Действия эвенков имели целью обмануть злого духа и сохранить ребенка [Там же, с. 95].

Имянаречение

В системе имянаречения у эвенков существовал целый ряд условностей и запретов. Во-первых, без имени человек не мог существовать. Прежде всего оно было важно для общения в социуме, с чужими. «Имя собственное, неповторимое, выделяет человека из мира природы, возносит его над обитателями тайги. Только с именем человек становится индивидуумом, личностью», – пишет М. М. Хасанова [1983, с. 101].

В некоторых случаях имя представляло собой название рода. Во-вторых, эвенки относились к личным именам, как к чему-то сокровенному, так как они считали, что в имени содержится часть души человека. Поэтому в обращении между собой имя собеседника произносилось редко. Да и сам эвенк также редко произносил свое имя. С этим фактом сталкивались сборщики ясака в XVII–XIX вв., часто записывая имена эвенков неверно, так как последние старались не произносить свои имена, но не по какому-то умыслу, а согласно существующим традиционным верованиям. В быту, в общении между собой при произнесении имен детей родственников также придерживались определенных правил. Так, родители, обращаясь к детям, использовали термины родства, такие как *хутэ* (ребенок), *омолги* (парень), *хунат* (девушка) [Василевич, 1969, с. 171]. Жена или муж также не называли друг друга по имени, употребляли термины родства: *Гарпаликан аминин* (отец Гарпаликан), *Гарпаликан энинин* (мать Гарпаликан). Для обращения к посторонним людям служили слова *бэе* (чело-

век, парень) и *гирки* (друг, товарищ), последним термином пользовались и женщины при обращении друг к другу. Обратиться к старшему по имени означало нарушение обычая и могло быть воспринято как оскорбление.

В-третьих, процесс имянаречения был не одномоментным. Имя ребенку давали не сразу, а лишь после наблюдений за его характером, нравом, здоровьем. Когда набиралось достаточно наблюдений за тем, что происходило во время рождения ребенка, выяснялись его индивидуальные качества и личные особенности, тогда старшие (дед, бабушка, дядя) или шаман выбирали ему имя. Имена старались не повторять, и чаще всего имя ребенка было новым словом [Там же, с. 172]. Для имен использовались названия, явления, признаки всего, что окружало ребенка во время его рождения. Так, если рождение ребенка было связано с каким-либо событием, то оно отражалось на выборе имени ребенка. Например, если при рождении девочки шел первый мокрый снег (*либгэ*), то ей давали имя *Либгэрик* [Там же], мальчику, родившемуся при первых лучах восходящего солнца, – имя *Гарпанча*, *Гарпаней* (луч солнца), *Гарпаликан* (лучик солнца). Если в семье умерло несколько детей, родители, стремясь уберечь новорожденного от такой же участи, давали ему «некрасивое» имя, которое во взрослом возрасте обычно заменялось другим.

В-четвертых, у эвенков имя являлось новым словом. Имена, как правило, не повторялись, очень редко давали ребенку имя умершего, но всеми почитаемого родственника.

В-пятых, несмотря на отсутствие общераспространенных имен, образование личных имен у эвенков подчинялось определенным языковым нормам, в силу чего их имена отличались от других. Для образования имен существовали определенные суффиксы. Наиболее распространенными для образования мужских имен были суффиксы *-вул / -ул*, *-ча*, *-га*, *-ни*, *-най / -ней*, *-ту*, *-лту*. Чаще для женского имени добавлялся суффикс *-к* [Там же, с. 171]. Для образования женских имен использовался суффикс *-дар / -дэр / -дор*. Имена образовывались также с помощью уменьшительно-ласкательных и увеличительных суффиксов: *-кан*, *-чан*, *-дя*, *-ндя* [Словарь..., 2010]. В настоящее время бывает трудно определить значение старинных эвенкийских имен, но отдельные имена легко поддаются расшифровке.

Впервые имена баунтовских эвенков мы встречаем в архивных документах XVII в. В отписке (донесении) Ивана Тархова воеводе Ивану Ивановичу Ржевскому от 29 декабря 1661 г. написано, что «Почагалского роду князец *Кокувкан Тулгогил* да сын ево шуленга по русскому пятидесятник *Удуга Кокувканов*» обратились с просьбой на Витиме реке на усть Кидимита реки ж и на Кучиде озере поставить... острожек» [Исторический выбор..., 2014, с. 142].

В 1666 г. в отписке Андрюшки Барнышева воеводе Кириллу Аристарховичу Яковлеву упоминаются имена «баунтовских ясачных людей... *Горгоchonка* з братьями» [Там же, с. 157].

В отписке стольнику и воеводе Кириллу Аристарховичу Яковлеву от мая 1667 г. сказано, что «ис Кучидцкого острогу ясачной тунгус *Бомбони* приходил в Баргузинский острог» и говорил, что в Баунтовском остроге в аманатах сидит «моего рода аманат» и «чтобы ево *Бамбокея* великие государи пожаловали», отпустили того аманата из Баунтовского острога, а взяли в аманаты в новом Яровнинском (Еравнинском. – О. Б., Е. А.) «сына ево *Бомбокиева*», чтобы платили они ясак всем родом в том остроге «по вся годы беспереводно» [Там же, с. 155].

В 1675 г. Богдан Несвитаев в отписке стольнику и воеводе Михаилу Васильевичу Приклонскому в Енисейский острог писал «про измену баунтовских ясачных тунгусов Киндигирского роду про *Мунга* да Чилчагирского роду про *Терпузу*». В отписке также говорится, что подали «баунтовские ясачные тунгусы Киндигирского роду *Нелты* да *Калбей* с родниками своими» челобитную о постройке на Еравне острога, а также, что в аманатах в Баргузинском остроге сидят *Калбей* и *Нелнюга* [Исторический выбор..., 2014, с. 244].

Обратимся к ревизским сказкам и посемейным спискам баунтовских эвенков, уделяя внимание личным именам. На разных этапах своей истории баунтовские эвенки были тесно связаны с другими народами, в частности с русскими и бурятами, что нашло отражение в собст-

венных именах. В архивных материалах XVIII – начала XX в. у эвенков зафиксированы не только эвенкийские имена, но и русские и бурятские.

Исконные имена баунтовских эвенков середины XIX в. поражают своим разнообразием. По записям «Ревизской сказки» за 1858 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 1) среди баунтовских эвенков в 1-м чильчагирском роде числились 221 душа мужского пола, 206 душ женского пола, во 2-м чильчагирском роде – 134 души мужского пола, 111 душ женского пола, в 3-м киндигирском роде – 35 душ мужского пола и 30 душ женского пола. Среди них практически не встречаются одинаковые имена.

Нами выписаны следующие мужские имена: *Аргавуль, Лушмавуль, Сомивуль, Борчавуль, Юрнавуль, Онгавуль, Гокавуль, Долавуль, Доковуль, Бочивуль, Тачавуль; Аруней, Игланей, Илканей, Гарпаней, Голбоней, Гугданей, Ушканей, Огженей, Одоней, Толканей, Сыганей; Лорунча, Иланча, Оченча, Толкинча, Гагинча, Кисанча; Бегальту, Инальту, Лирбикту, Нагальту, Чикту; Валакта, Лоргокто; Егдани, Нюжкани, Лукшани, Далгани, Шинкани, Бучени; Муличан, Малинчан, Никачан, Салкичан; Болгино, Накуно, Тулгана; Алтыка, Олгоко, Накуко, Октоко; Бусыня, Сондыня, Уптыня.*

Выписанные имена можно классифицировать следующим образом. Наиболее распространенными именами у баунтовских эвенков в середине XIX в. являются личные имена, образованные при помощи суффикса *-вуль*. В современном прочтении они соответствуют форме фамилий на *-ев*: *Аргавулев, Лушмавулев, Гокавулев, Доковулев* и др. В настоящее время среди баунтовских эвенков этих фамилий практически нет, за исключением *Доколевых* и *Лоргоктоевых*. Вторыми по способу образования распространенными являются имена на *-най / -ней*. Из них узнаваемы фамилии забайкальских эвенков: *Арунеев, Гарпанеев*. Личные имена баунтовских эвенков данного исторического периода также образовывались при помощи суффиксов *-ту / -лту, -кта / -кто, -ни, -чан, -ка / -ко, -но, -ня*.

Одинаковых мужских имен из вышеназванного количества душ трех родов баунтовских эвенков нами не найдено, за исключением имени *Буку*, которое было дано двум мужчинам: сыну *Головуля* и брату *Ярматкана Ярмавулева*. Они были из разных родов: *Головуль* из 1-го чильчагирского рода, второй – из 2-го чильчагирского рода.

Женские имена периода 1858 г. также разнообразны. Большинство из них образованы при помощи суффикса *-к*: *Киралак, Наргилак, Чюрик, Омилак, Вевак, Калак, Нисулак, Онолок, Горбилак*. Немало имен на *-лан / -лон*: *Адавлан, Анкулан, Никилан, Чиялан, Томколон*. При образовании имен использовались уменьшительные суффиксы *-кан / -кон*: *Нюликан, Челавкан, Буликан, Юнекан, Нирукан, Олкон; -ткан: Упаткан, Чалаткан*. Одинаковых женских имен нами в списках также не обнаружено.

Как считает В. А. Туголуков, распространение ламаизма среди эвенков следует датировать первой третью XVIII в., когда из Монголии в Россию (на Селенгу) переселилось некоторое количество монголов [Туголуков, 2013, с. 218]. Православная церковь пыталась противодействовать распространению ламаизма, начав усиленно крестить эвенков. Их приобщение к православию было особенно интенсивным во второй половине XVIII в. [Там же].

Процесс присвоения эвенкам русских имен (а также греческих, латинских, еврейских) в результате крещения зафиксирован в ревизских сказках баунтовских эвенков. Так, по данным «Ревизской сказки Баунтовской инородной управы» за 1858 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 1), в I чильчагирском роде насчитывалось 221 мужчина и 206 женщин, во II чильчагирском – 134 мужчины и 111 женщин, в киндигирском – 35 мужчин и 30 женщин (всего 737 человек).

Русские имена при крещении священник давал обычно по святым. Фамилией становилась фамилия русского «восприемника». Повсюду утвердились трехчленные имена, люди стали носить имя, отчество, фамилию.

В I чильчагирском роде у *Алтыки Карпушкина* были братья *Олгоко* по крещению *Петр Васильев Козулин, Борчавуль – Иоаким Васильев Козулин*. У Петра были сыновья: *Лушмавуль* (по крещению *Никита Васильев Козулин*), *Сомивуль* (по крещению *Трофим Козулин*). У *Жоргавуля Петрушкина* был брат *Боявуль* (по крещению *Захар Алексеев Козулин*). *Илканей* после

крещения стал *Инокентеем Михайловым Черных*. У *Мехея Оргавулева* были братья *Горгини*, по крещению *Осип Алексеев Козулин*, и *Инальту*, по крещению *Костанкин Михайлов Черных*. В документе встречаются *Морчавуль (Василий Черных)*, *Лоргонча (Федор Васильев Козулин)*, *Отывуль (Петр Петров Иванов)*, *Луکشани (Иоанн Павлов Кишанов)*, *Сыганей (Павел Иванов Жучков)*. В большом семействе-хозяйстве *Найканчи Тонкинова* из 11 сыновей с женами и их детьми 8 сыновей крещены: *Кудель (Яков Федосов)*, *Ошовуль (Василий Васильев Козулин)*, *Инанча (Никифор)*, *Ирканча (Илья Федосов)*, *Иконча (Иван Федосов)*, *Иганча (Иван Федосов)*, *Нюгкани (Михаил)*, *Лонтони (Андреян)*. У некрещеного сына *Найканчи Улавуля* из шести сыновей крещен один *Органча (Василей)*. У сына *Найканчи Куделя* из четырех сыновей два крещены: *Дарынага (Василий Минеев)* и *Егорча (Павел Федосов)*. У *Ошовуля* из трех сыновей крещен один *Улюкай (Николай)*. У *Икончи* сын *Манику* по крещению стал *Степаном Федосовым*. У *Ирканчи* сын *Шинкани* – *Павлом Федосовым*.

Во втором чильчагирском роде *Ярматкан Ярмавулев* после крещения стал *Ильей Гантимуровым*. В киндигирском роде сын *Семена Кальсина Гаранча* стал *Костанкином Александровым*, а сын его брата *Николая Мошкой* – *Александром Михайловым Черных*, *Чачунча* крещен *Костанкином Черных*, *Мани* – *Инокентеем Елишиным*.

Встречались изредка русские женские имена: *Татьяна, Анна, Прасковья, Арина, Авдотья, Агавья, Лукерья, Степанида, Катерина*; мужские: *Иван, Еремей, Михайло, Григорий, Спиридон, Ванька, Васька, Васонка, Данило, Андреян, Фёдор, Егор, Гришка, Антон, Якушка, Павел, Алексей, Костанкин, Александр, Степан, Семен, Николай, Максим, Терентей, Маша, Поташка*. В ревизской сказке зафиксированы и такие мужские имена: *Кандинской, Шарик, Богатырь, Золотуха, Малыгин, Батина*.

В семейных списках 1892 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 5) зафиксировано в I чильчагирском роде 273 мужчины и 229 женщин, во II чильчагирском роде – 106 мужчин и 90 женщин, в киндигирском роде – 44 мужчины и 35 женщин (всего 777 человек). У детей мы обнаружили в основном русские имена. Например, у *Кокончи Арунеева* (по крещению *Александр Андреев Винокуров*) дети *Иван, Николай, Александр, Любовь*. У *Лоргокто Баранчина* сыновья *Шугаль, Семен*. Если у *Шугалья* дети имеют эвенкийские имена: *Тувливуль, Олёни, Тавуни, Дундэни, Чампуни*, то у детей *Семена* – русские имена: *Евдокия, Мария, Прокопий*. Бурятских имен ни в записях 1858 г., ни в записях 1892 г. нет.

В семейных списках 1896 г. в I чильчагирском роде из 297 мужчин только 18 имеют эвенкийское имя: *Боявуль, Бодиндак, Толгани, Оошин, Дудкон, Гоневуль, Шугаль, Тавливуль, Олёнь, Дундон, Тавуни, Лоргокто, Могульту, Ульгонча, Манувуль, Турунай, Бодин, Ирон*. Остальные имеют русские имена, особенно распространены: *Иван (35 чел.), Николай (24), Петр (17), Василий (16), Семен (14), Павел (13), Илья (13), Александр (9), Андрей (8), Михаил (8), Егор (6), Сергей (6)* и др. Из 253 женщин только у 21 эвенкийские имена: *Сижук, Лёнгок, Онук, Именмук, Манив, Гулита, Туркук, Бакуль, Чампук, Урук, Бочинкок, Довсук, Тавлик, Бокса, Ноног, Кукун, Лушум, Чимге, Сопок, Саин, Ольгок*. Наиболее распространены такие русские имена: *Анна (35 чел.), Мария (21), Марья (12), Александра (10), Екатерина (10), Ольга (10), Наталья (9), Парасковья (8), Елена (8), Евдокия (7), Ирина (6)* и др.

Во II чильчагирском роде мы видим следующую картину. Из 253 мужчин у 6 – эвенкийские имена: *Оменче, Лигней, Еман, Тыхчи, Дзявишуль, Шинкани*. Наиболее распространены русские имена: *Николай (13 чел.), Василий (11), Степан (8), Иван (7)*. Из 106 женщин у 5 – эвенкийские имена: *Самогик, Тульдупон, Кирмилъек, Тамувкан, Совын*, русские имена: *Анна (16 чел.), Мария (9), Марья (7), Екатерина (5), Евдокия (5), Парасковья (5)*, появляются бурятские имена: *Ирдыни, Сандама*. Зафиксированы имена *Белка, Лапке*.

В киндигирском роде из 40 мужчин только 1 имеет эвенкийское имя *Душеуль*, у остальных русские имена: *Николай (5 чел.), Иван (5), Василий (4), Иннокентий (4), Семен (3), Константин (3), Егор (3)* и др. У 35 женщин русские имена: *Анна (8 чел.), Мария (6), Евдокия (4)* и др.

Часто встречаются двойные имена: *Борчавуль (Иоаким), Боявуль (Захар), Инальту (Костанкин), Егорча (Павел), Иганча (Иван), Иконча (Иван), Инанча (Никифор), Умокай*

(Николай), Горгини (Осип), Дарынага (Василий), Иркинча (Илья), Лоргонча (Федор), Сыганей (Павел), Лукиани (Иоанн), Шынкани (Павел), Лушмавуль (Никита), Органча (Василий), Морчавуль (Василий), Отывуль (Петр), Ошовуль (Василий), Сомивуль (Трофим), Гаривуль (Иоанн), Ярматкан (Илья), Дуловуль (Василий), Чунавуль (Николай), Гаранча (Константин), Чачунча (Костанкин), Мани (Иннокентий), Мошкой (Александр), Чалаткан (Мария). Следует отметить, что количество населения в этом году достигло 825 человек (самое большое с 1858 по 2017 г.).

В семейных списках 1892 и 1896 гг. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 5, 9) фамилии баунтовских эвенков уже оформлены по правилам образования русских фамилий: *Бальжеулов, Машеулов, Муличанов, Гочивулев, Сенериконов* и т. д. Встречаются фамилии, которые носят в настоящее время баунтовские эвенки: *Бальжеуловы, Догончины, Торгоновы, Найканчины, Арунеевы*. Личные имена данного периода в большинстве русские. Редко встречаются исконно эвенкийские имена. Среди них записаны: *Лоргокто, Коконча, Улганча, Олгоко*. Почти в каждой семье есть *Семен, Павел, Илья, Михаил, Мария, Аксинья, Меланья, Прасковья, Варвара*.

В посемейных списках эвенков за 1903 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 17) I чильчагирский род насчитывал 262 мужчины и 219 женщин, II чильчагирский – 108 мужчин и 97 женщин, киндигирский – 46 мужчин и 39 женщин (всего 771 человек). Среди мужских чаще всего встречаются: *Иван* (44 чел.), *Николай* (42), *Василий* (29), *Павел* (21), *Петр* (21), *Степан* (21), *Илья* (16), *Александр* (16), *Семен* (16), *Егор* (15), *Алексей* (13), *Михаил* (12), *Федор* (11), *Сергей* (10), *Прокотий* (9) и др. Эвенкийские мужские имена: *Айгаул, Гавганча, Боди, Бодин, Галувуль, Гапувуль (Николай), Дундак (Дмитрий), Дутко (Прокотий), Дявиеуль, Капиткан, Корчагай, Николай (Толгани), Упунай, Шуголь*.

Вместе с тем надо отметить, что среди баунтовских эвенков процесс ламаизации не нашел распространения в отличие от другой локальной группы в Бурятии – баргузинских эвенков. Среди баргузинских эвенков встречаются такие бурятские имена, как *Цырен, Мунко, Дулма, Цыден, Бадма, Гарма* и др. Объясняется это тем, что эта локальная группа издавна живет рядом с бурятами, в большинстве своем приняла буддизм. По настоянию лам эвенки стали соблюдать буддийские каноны и при выборе имени следовать их советам.

Среди женских имен встречаются эвенкийские: *Бокуль, Мету (Вера), Нашун (Наталья), Онгок, Тавлик, Шалговик, Шепдама (Матрена)*; бурятские – *Совжид* и *Ирдыни*. Наиболее распространены русские имена: *Анна* (57), *Александра* (14), *Мария* (55), *Екатерина* (21), *Ольга* (16), *Наталья* (15), *Евдокия* (15), *Елена* (12), *Парасковья* (12), *Дарья* (10), *Ирина* (8), *Степанида* (7) и др.

В списках 1908 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 24) выявлены новые эвенкийские мужские имена: *Барук, Быркешка, Гокавуль, Гуколько (Яков), Дукуни, Мидинак, Ондауль (Иван), Чикты, Шушинга (Филимон)*; женские имена: *Булобияк, Дёшук (Анна), Иляпкак, Муту (Вера), Ундуй, Чулан*.

В книгах похозяйственного учета сельских советов Баунтовского района за 1940–1946 гг. у эвенков мы уже не встречаем записи по родам, только по месту жительства – сёла Хойгот (колхоз «10 лет БМАССР»), Шуринда (колхоз «Третья пятилетка»), Усой, Усть-Джилинда (колхоз им. Молотова, прииски) (Книга памяти Баунтовского эвенкийского района, 2014). Среди 227 человек взрослого населения встречаются следующие эвенкийские фамилии: *Бальжеулов, Басаулов, Догончин, Гасалтуев, Дектяулов, Доколев, Мордонов, Найканчин, Торгонов, Чинавлев*, чьи внуки и правнуки и сегодня живут в местах своих предков. Эвенкийские личные имена только у пяти мужчин (*Бикей, Дугдан, Дюру, Тульдо, Тысу*) и у трех женщин (*Босук, Урендак, Тугдан*).

Среди эвенков встречаются бурятские имена или фамилии. Например, *Афанасьева Санжи, Молоков Бадма, Найканчин Аюша, Кокчендуевы Батор, Бальжид* и *Бадма, Пальтеевы Базар* и *Пунсук, Папуевы Хандама* и *Янжима, Тимаевы Ригжит* и *Сымжит, Цыремпилова Максар, Цыреновы Бадма* и *Сындыма, Френдинштейн Батор*.

Наиболее распространенными именами являются мужские *Степан* (11 человек), *Иван* (8), *Николай* (7), *Гавриил* (6), *Семен* (6), *Александр* (5), *Павел* (5), *Алексей* (4), *Михаил* (4); женские *Мария* (11), *Евдокия* (11), *Анна* (10), *Дарья* (7), *Елена* (7), *Прасковья* (6), *Александра* (6), *Наталья* (5), *Екатерина* (4).

По данным за 2019 г. (Текущий архив администрации Баунтовского эвенкийского района), наиболее распространены эвенкийские фамилии *Бальжеулов*, *Басаулов*, *Вачеланов*, *Дандеев*, *Догончин*, *Кантаулов*, *Мордонов*, *Найканчин*, *Торгонов*, *Унаулов*, *Урончин*. Встречаются бурятские и русские фамилии: *Намсараев*, *Эрдынеев*, *Сыренев*, *Августяков*, *Агафонов*, *Воробьев*, *Димитров*, *Загоняч*, *Иванов*, *Квасов*, *Кириллов*, *Козулин*, *Молчанов*, *Муромов*, *Наливаев*, *Нестеров*, *Нилов*, *Новиков*, *Соболев*, *Сологубов*, *Черных*, *Чуркин*, *Юкович*. Имена в основном русские, к уже упоминавшимся ранее добавились *Ярослав*, *Владислав*, *Радион*, *Артем*, *Руслан*, *Арсений*, *Матвей*, *Вадим*, *Багдан*, *Эдуард*, бурятские имена *Доржо*, *Бато*. Наиболее распространены русские женские имена *Елена*, *Ольга*, *Дарья*, *Татьяна*, *Анна*, *Светлана*, *Лариса*, *Любовь*, *Оксана*, *Олеся* и др.

Заключение

Мы выявили особенности имянаречения у локальной группы эвенков Бурятии – баунтовских. Имя воспринималось ими как живое, связанное с человеком. До XVIII в. было принято давать человеку только имя. С принятием православия, с установлением культурных, экономических и общественных связей с русскими и бурятами к эвенкам стали проникать русские и бурятские имена. К середине XX в. эвенкийские имена практически исчезли. В настоящее время эвенки употребляют имена и отчества, данные в ЗАГСе. Эвенкийский колорит сохраняется только в фамилиях. Обряды, проводимые при рождении и имянаречении ребенка, остались в прошлом. Вводимые в научный оборот архивные материалы являются важным источником по истории и этнографии эвенков Бурятии.

Список литературы

- Антропонимика / Отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М.: Наука, 1970. 360 с.
- Белык Н. А.** Некоторые правовые и социологические вопросы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 24–33.
- Бестужев-Лада И. В.** Исторические тенденции развития антропонимов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 9–23.
- Бондалетов В. Д.** Динамика личных имен в XX в. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 91–105.
- Бондалетов В. Д.** Русская ономастика: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
- Варламова Г. И.** Имя и наречение именем в эвенкийском эпосе // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: Сб. науч. тр. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. Вып. 3. С. 65–71.
- Василевич Г. М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки. XVIII – начало XX в. Л.: Наука, 1969. 305 с.
- Василевич Г. М.** Собственные имена эвенков // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 225–230.
- Василевич Г. М.** Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных в Сибири (опыт картографирования) // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974. С. 296–302.
- Вачеланова Д. Г.** Именослов баргузинских эвенков // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 12. URL: <http://human.snauka.ru/2017/12/24578> (дата обращения 08.02.2019).
- Вачеланова Д. Г.** Имена баргузинских эвенков: прошлое и настоящее // Арктика. XX век. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (2). С. 79–80.

- Евдошенко А. П.** Предпосылки системно-типологического исследования антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. 341 с.
- Зинин С. И.** Введение в русскую антропонимию: Пособие для студентов-заочников / Ташкент. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ташкент: [б. и.], 1972. 275 с.
- Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века: Документы и материалы / Отв. ред. Б. В. Базаров; авт.-сост. О. В. Бураева, С. В. Бураева, М. Н. Балдано. Иркутск: Отгиск, 2014. 784 с.
- Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. 343 с.
- Мордвинов А.** Орочены, или оленные тунгусы // Современник: литературный журнал. 1851. Т. 27. С. 126–135.
- Никонов В. А.** Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970а. С. 33–56.
- Никонов В. А.** Этнонимия // Этнонимы: Сб. ст. М.: Наука, 1970б. С. 5–33.
- Никонов В. А.** Имя и общество. М.: Наука, 1974. 280 с.
- Омельченко Л. Н., Вачеланова Д. Г.** Имянаречение баргузинских эвенков // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2015. Вып. 1. С. 37–41.
- Ономастика Востока / Ред. колл.: Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, В. В. Цыбульский. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1980. 286 с.
- Скорик П. Я.** Антропонимические процессы у малых народностей Севера // Антропонимика / Отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М.: Наука, 1970. С. 39–52.
- Словарь желтулакского говора Амурской области / Б. В. Болдырев и др.: В 2 ч. Благовещенск: БГПУ, 2010. Ч. 2. 235 с.
- Суперанская А. В.** Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 7–17.
- Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
- Туголуков В. А.** Тунгусские имена как этнографический источник // Ономастика Востока / Ред. колл.: Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, В. В. Цыбульский. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1970. С. 32–36.
- Туголуков В. А.** Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. 352 с.
- Хасанова М. М.** Антропонимы в фольклоре восточных эвенков // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 95–102.
- Шубин А. С.** Эвенки. Улан-Удэ: Респ. тип., 2007. 360 с.
- Этническая ономастика / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. М.: Наука, 1984. 192 с.
- Этнография имен / Отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1971. 263 с.

Список источников

- ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 9 (Баунтовская тунгусская инородная управа). Оп. 1. Д. 1. 1858 г. Л. 1–40; Д. 5. 1892 г. Л. 1–12; Д. 9. 1897 г. Л. 1–12; Д. 17. 1903 г. Л. 1–24; Д. 24. 1908 г. Л. 1–74.
- Книга памяти Баунтовского эвенкийского района: Документальное издание Музея народов Севера Бурятии им. А. Г. Позднякова / Ред.-сост. Е. Ф. Куренная. Багдарин; Чита: Экспресс-издательство, 2014. 320 с.
- Текущий архив администрации Баунтовского эвенкийского района.

References

- Bazarov B. V.** (ed.). *Istoricheskii vybor: Rossiya – Buryatiya v XVII – pervoi treti XVIII veka: Dokumenty i materialy* [Historical choice: Russia – Buryatia in 17th – first third of 18th century: Documents and materials]. Comp. by O. V. Buraeva, S. V. Buraeva, M. N. Baldano. Irkutsk, Ottisk, 2014, 784 p. (in Russ.)
- Belyk N. A.** *Nekotorye pravovye i sotsiologicheskie voprosy antroponomiki* [Some legal and sociological issues of anthroponomics]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 24–33. (in Russ.)
- Bestuzhev-Lada I. V.** *Istoricheskie tendentsii razvitiya antroponomimov* [Historical trends in the development of anthroponyms]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 9–23. (in Russ.)
- Boldyrev B. V. et al.** *Slovar' dzheltulakskogo govora Amurskoi oblasti* [Dictionary of dzheltulak dialect of Amur region]. In 2 pt. Blagoveshchensk, BSPU Press, 2010, pt. 2, 235 p. (in Russ.)
- Bondaletov V. D.** *Dinamika lichnykh imen v XX v.* [Dynamics of personal names in the 20th century]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 91–105. (in Russ.)
- Bondaletov V. D.** *Russkaya onomastika* [Russian Onomastics]. A textbook. Moscow, Prosveshchenie, 1983, 224 p. (in Russ.)
- Dzharylgasimova R. Sh., Nikonov V. A.** (eds.). *Etnicheskaya onomastika* [Etnic onomastics]. Moscow, Nauka, 1984, 192 p. (in Russ.)
- Evdoshenko A. P.** *Predposylki sistemno-tipologicheskogo issledovaniya antroponomimii* [Prerequisites for the system-typological study of anthroponymy]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 57–62. (in Russ.)
- Khasanova M. M.** *Antroponomimiy v fol'klоре vostochnykh evenkov* [Anthroponyms in the folklore of the Eastern Evenks]. In: *Traditsii i sovremennost' v kul'ture narodov Dal'nego Vostoka* [Traditions and modernity in the culture of the peoples of the Far East]. Vladivostok, FESC AS USSR Publ., 1983, pp. 95–102. (in Russ.)
- Mordvinov A.** *Orocheny, ili olennye tungusy* [Orocheny or Deer Tunguses]. *Sovremennik: literaturnyi zhurnal* [Sovremennik: literary magazine], 1851, vol. 27, pp. 126–135. (in Russ.)
- Murzaev E. M., Nikonov V. A., Tsybul'sky V. V.** (eds.). *Onomastika Vostoka* [Onomastics of the East]. Moscow, Nauka, 1980, 286 p. (in Russ.)
- Nikonov V. A.** (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomimiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, 343 p. (in Russ.)
- Nikonov V. A.** *Etnonimiya* [Ethnonymy]. In: *Etnonimiy* [Ethnonymy]. Collection of articles. Moscow, Nauka, 1970, pp. 5–33. (in Russ.)
- Nikonov V. A.** *Imya i obshchestvo* [Name and society]. Moscow, Nauka, 1974, 280 p. (in Russ.)
- Nikonov V. A.** *Zadachi i metody antroponomimiki* [Tasks and methods of anthroponymy]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomimiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 33–56. (in Russ.)
- Nikonov V. A., Stratanovich G. G.** (eds.). *Etnografiya imen* [Ethnography of names]. Moscow, Nauka, 1971, 263 p. (in Russ.)
- Nikonov V. A., Superanskaya A. V.** (eds.). *Antroponomimika* [Anthroponomics]. Moscow, Nauka, 1970, 360 p. (in Russ.)

- Omelchenko L. N., Vachelanova D. G.** Imyanarechenie barguzinskikh evenkov [Naming of the Barguzin Evenks]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]*, 2015, iss. 1, pp. 37–41. (in Russ.)
- Shubin A. S.** Evenki [Evenks]. Ulan-Ude, Resp. tip., 2007, 360 p. (in Russ.)
- Skorik P. Ya.** Antroponimicheskie protsessy u malykh narodnostei Severa [Anthroponymic processes among the small peoples of the North]. In: Nikonov V. A., Superanskaya A. V. (eds.). *Antroponimika [Anthroponomics]*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 39–52. (in Russ.)
- Superanskaya A. V.** Yazykovye i vneyazykovye assotsiatsii sobstvennykh imen [Linguistic and extra-linguistic associations of proper names]. In: *Antroponimika [Anthroponymy]*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 7–17. (in Russ.)
- Superanskaya A. V.** Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of the proper name]. Moscow, Nauka, 1973, 367 p. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Evenki Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka [The Evenks of Eastern Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk, Sibirskie promysly, 2013, 352 p. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Tungusskie imena kak etnograficheskii istochnik [Tungus names as an ethnographic source]. In: Murzaev E. M., Nikonov V. A., Tsybul'sky V. V. (eds.). *Onomastika Vostoka [Onomastics of the East]*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 32–36. (in Russ.)
- Vachelanova D. G.** Imenoslov barguzinskikh evenkov [The namesake of the Barguzin Evenks]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific research]*, 2017, no. 12. (in Russ.) URL: <http://human.snauka.ru/2017/12/24578> (accessed 08.02.2019).
- Vachelanova D.** Imena barguzinskikh evenkov: proshloe i nastoyashchee [The names of the Barguzin Evenks: past and present]. *Arktika. XX vek. Gumanitarnye nauki [Arctic. 20th century. Humanities]*, 2014, no. 1 (2), pp. 79–80. (in Russ.)
- Varlamova G. I.** Imya i narechenie imenem v evenkiiskom epose [Name and naming in the Evenk epic]. In: *Evenkiiskii etnos v nachale tret'ego tysyacheletiya [The Evenk ethnos at the beginning of the third millennium]*. A collection of scientific papers. Blagoveshchensk, BSPU Press, 2010, iss. 3, pp. 65–71. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki. XVIII – nachalo XX v. [Evenks. Historical and ethnographic essays. 18th – early 20th century]. Leningrad, Nauka, 1969, 305 p. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Sobstvennye imena evenkov [Proprietary names of the Evenks]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponimiki [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 225–230. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Antroponimy i etnonimy u narodov ural'skoi i altaiskoi semei, rasselennykh v Sibiri (opyt kartografirovaniya) [Anthroponyms and ethnonyms among the peoples of the Ural and Altai families settled in Siberia (mapping experience)]. In: *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii [Problems of mapping in linguistics and ethnography]*. Leningrad, Nauka, 1974, pp. 296–302. (in Russ.)
- Zinin S. I.** Vvedenie v russkuyu antroponimiyu [Introduction to Russian Anthroponymy]. A manual for part-time students. Tashkent, 1972, 275 p. (in Russ.)

List of Sources

- Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. F. 9. (Bauntovskaya tungusskaya inorodnaya uprava). Op. 1. D. 1. 1858 g. L. 1–40; D. 5. 1892 g. L. 1–12; D. 9. 1897 g. L. 1–12; D. 17. 1903 g. L. 1–24; D. 24. 1908 g. L. 1–74.
- Kniga pamyati Bauntovskogo evenkiiskogo raiona: Dokumental'noe izdanie Muzeya narodov Severa Buryatii im. A. G. Pozdnyakova. Ed. and comp. by E. F. Kurenayaya. Bagdarin, Chita, Ekspres-izdatel'stvo, 2014, 320 p.
- Tekushchii arkhiv administratsii Bauntovskogo evenkiiskogo raiona.

Информация об авторах

Ольга Владимировна Бураева, доктор исторических наук
Елизавета Федоровна Афанасьева, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Olga V. Buraeva, Doctor of Sciences (History)
Elizaveta F. Afanasyeva, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 16.11.2020;
одобрена после рецензии 12.04.2021; принята к публикации 12.04.2021
The article was submitted on 16.11.2020;
approved after reviewing on 12.04.2021; accepted for publication on 12.04.2021*